

ТИТАН РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ

© 2024 г. А.В. Сидоров^{a,*}, Л.А. Сидорова^{b,**}, В.В. Тихонов^{b,***}

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^bИнститут российской истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: Sidorov@spa.msu.ru

**E-mail: lasidorova@rambler.ru

***E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Поступила в редакцию 17.06.2024 г.

После доработки 01.07.2024 г.

Принята к публикации 18.08.2024 г.

Статья посвящена основным вехам жизненного и научного пути замечательного отечественного историка, мастера художественного образа академика Е.В. Тарле. Показаны роль учёного в исторической науке России, исследовательский потенциал его творческого наследия.

Ключевые слова: Е.В. Тарле, историческая наука, научность, объективность, художественный образ.

DOI: 10.31857/S0869587324110071, EDN: SEKYKT

Профессиональная и личная биография Е.В. Тарле (1874–1955) неразрывно связана с этапами и поворотами сложного пути России и российской исторической науки первой половины XX столетия. Талантливый учёный, он и сегодня остаётся одним из самых известных отечественных историков. Его труды регулярно переиздаются и относятся к числу историографической классики, а издание ранее неопубликованного наследия неизменно вызывает интерес [1, 2]. Известность Е.В. Тарле выходит далеко за рамки круга любителей истории, а сам историк стал частью российской интеллектуальной традиции. Нобелевский лауреат, физик-экспериментатор П.Л. Капица, не склонный расточать комплименты, признавался, что с интересом читал труды Тарле [3, с. 357]. Такое широкое признание неслучайно. Оно опирается не только на высокий уровень обоснованности и исследовательской аналитики работ Тарле, но и на их несомненные литературные достоинства, сделавшие его лучшие сочинения образцами стиля.

Пожалуй, мало кому из учёных-историков посвящено такое количество историографической литературы, как Тарле. Среди исследователей его многогранной личности и творческого наследия надо особо выделить Е.И. Чапкевича и Б.С. Кагановича, посвятивших выдающемуся историку целый ряд монографий и статей [4–8].

Григорий Вигдорович Тарле родился 27 октября 1874 г. в Киеве в еврейской семье, перебравшейся затем в Херсон. Там он учился в гимназии и с юных лет увлёкся историей, запоем читал книги Т. Маколея, Т. Карлейля, С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова. Уже в кругу чтения обнаружился его интерес к насыщенному историческому повествованию и ярким историческим личностям; любимым писателем на всю жизнь стал мастер психологического романа Ф.М. Достоевский. В Херсоне будущий историк встретил жену – Ольгу Григорьевну Михайлову, с которой прожил в браке до конца жизни и для венчания с которой в 1893 г. принял крещение по православному обряду и был наречён Евгением.

СИДОРОВ Александр Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. СИДОРОВА Любовь Алексеевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра “Историческая наука России” ИРИ РАН. ТИХОНОВ Виталий Витальевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра “Историческая наука России” ИРИ РАН.

В 1892 г. Тарле поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета (г. Одесса), но затем перевёлся в Киевский университет. Его наставником стал известный историк-медиевист И.В. Лучицкий. По окончании университета Тарле был оставлен для приготовления к профессорскому званию, в 1898 и 1899 гг. командирован для работы в зарубежных архивах. Одновременно с исследовательской он активно включился в литературную и общественную деятельность. 29 апреля 1900 г. за участие в публичном докладе А.В. Луначарского “Генрик Ибсен как моралист”, сборы от которого должны были пойти на помощь политзаключённым, Тарле был арестован и месяц провёл в тюрьме, после чего последовал запрет на преподавательскую деятельность. Он вынужден был уехать из Киева и перебраться в Варшаву, где прожил год, затем переехал в Санкт-Петербург, оставаясь под следствием.

В 1901 г. в Киевском университете Е.В. Тарле защитил магистерскую диссертацию “Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени”. Для защиты он вынужден был получить специальное разрешение, позволявшее ему находиться в Киеве в течение 48 часов. Диссертация была защищена, пусть и не стала его безусловной творческой удачей [5, с. 30–34].

После прекращения следствия Тарле сумел добиться места приват-доцента в Санкт-Петербургском университете. Там он быстро приобрёл славу блестящего лектора, слушать которого приходили студенты разных факультетов, и зарекомендовал себя специалистом по широкому кругу проблем всеобщей истории. Этот универсализм, подкреплённый феноменальной памятью, стал визитной карточкой историка. В те годы сложилась и теоретико-методологическая позиция учёного. Тарле следил за актуальными теориями, ориентированными на раскрытие различных факторов исторического процесса, в первую очередь социально-экономических и классовых [9, с. 297–304], в чём сближался с марксизмом и даже имел соответствующую репутацию. Одновременно его чрезвычайно привлекала интеллектуальная история.

Тарле призывал не переоценивать силу исторических закономерностей и прогностические возможности историка. Он считал, что “к истории в сравнении с естествознанием приходится предъявлять заниженные требования” [10, с. 116]. Отстаивая право на образность в преподнесении истории, учёный подчёркивал, что только следуя за первоисточниками можно подготовить историческое исследование, а не роман [11, с. 29]. Евгений Викторович скептически относился к универсальным объяснительным моделям: его, безусловно, можно причислить к сторонникам многофакторного подхода и критического позитивизма.

Не менее активной оказалась и общественная жизнь начинающего историка. Он сотрудничал

с либерально-демократическими изданиями “Новое слово”, “Вестник Европы”, “Русская мысль” и др. Во время Первой русской революции Тарле принимал самое непосредственное участие в выступлениях оппозиционной интеллигенции, входил в либеральный Академический союз. Он написал коллективную “Записку о нуждах народного просвещения” (“Записка 342-х”), в которой критиковалась охранительная политика правительства в области образования. На следующий день после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка Тарле участвовал в неразрешённом митинге, который разгоняли войска. Историк был ранен саблей в голову и чудом остался жив. В газетах даже появилась информация о его смерти. Однако Е.В. Тарле не связал свою судьбу с какой-либо определённой политической партией, его предпочтения находились “где-то между левыми кадетами и правыми меньшевиками” [4, с. 43]. Под впечатлением событий Первой русской революции он написал и в 1906 г. издал книгу “Падение абсолютизма в Западной Европе”, в которой доказывал, что абсолютистские режимы исторически обречены, а в отношении русского царизма было сказано: “Наше самодержавие зажило на свете дольше, нежели всякое другое” [12, с. 189].

Главное внимание Тарле уделял фундаментальным академическим исследованиям, основанным на первоисточниках, почти ежегодно работая во французских архивах. Результатом стала монография “Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799)” (Ч. 1. СПб., 1909; Ч. 2. СПб., 1911). В книге было доказано, что уровень промышленного и капиталистического развития Франции накануне революции был относительно невысоким, и проводилась мысль о пассивности рабочего класса в ходе революции. Особое внимание историк уделил проблеме так называемого максимума (то есть фиксированного максимума цен и зарплат, установленного революционным правительством), считая, что его введение больно ударило по экономике и не снизило социальной напряжённости. 24 апреля 1911 г. Тарле защитил эту работу в качестве докторской диссертации в Санкт-Петербургском университете. Официальными оппонентами выступили Н.И. Кареев, Э.Д. Гримм и И.В. Лучицкий, защита прошла успешно. Согласно свидетельству корреспондента газеты “Речь”, чтобы избежать беспорядков во время защиты, в университетском дворе и в самом здании дежурили наряды полиции [4, с. 65].

Экономической проблематике наполеоновской эпохи Е.В. Тарле посвятил монографию “Континентальная блокада” [13]. Вопреки распространённому мнению, что континентальная блокада способствовала развитию промышленности Франции, историк пришёл к выводу, что она нанесла ущерб французской экономике. В 1913 г. Тарле представил результаты своего исследования на Международном историческом конгрессе в Лондоне [14, с. 130–133].

К тому времени он стал признанным специалистом по истории Французской революции и наполеоновской эпохи в России и за рубежом.

В годы Первой мировой войны Тарле занял последовательную антантофильскую позицию, выступал с публицистическими статьями, настаивая на том, что страны Антанты заняли в войне оборонительную позицию, в то время как Германия стремилась расчленить Россию и лишить её статуса великой державы. Февральскую революцию историк встретил с воодушевлением, видя в ней свершение собственных прогнозов исторического развития России. Он вошёл в состав редакционной комиссии Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима.

Установление власти большевиков Тарле не приветствовал, однако в жёсткой оппозиции к новой власти не находился: продолжал читать лекции в Петроградском университете, принимал участие в организации Центрального государственного исторического архива. Произошли и важные перемены в его положении среди петроградских историков. Он сблизился с главой историков-русистов академиком С.Ф. Платоновым — в те годы непрекаемым авторитетом в университетской и академической среде. В 1921 г., благодаря его поддержке, а также византиста академика Ф.И. Успенского, Е.В. Тарле был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Самое деятельное участие Тарле принимал в первом российском послереволюционном историческом журнале “Дела и дни”, три книги которого увидели свет в 1920–1922 гг. В книге второй за 1921 г. была опубликована его статья “Теодор Шиман. 1847–1921” [15]. В ней ярко проявилось мастерство Тарле-биографа в создании сложных психологических портретов выдающихся исторических деятелей и историков — его современников. Эта статья справедливо названа “образцом подхода Тарле к творчеству историков прошлого” [2, с. 11]. Она была откликом на сообщение о смерти известного немецкого исследователя, который “и как историк, и как публицист” был “давно уже связан так или иначе с Россией” [15, с. 180]. В портрете Т. Шимана отражены его главные черты как историка, политика и человека. Этот характерный для Тарле многомерный подход позволил ярко и с большой степенью объективности оценить творчество немецкого историка. Представив в нескольких штрихах начало его научной биографии — рождение в Российской империи, Дерптский университет и занятия историей в Прибалтийском крае, Евгений Викторович подробно остановился на берлинском периоде деятельности историка, которому удалось познакомиться и затем сблизиться с канцлером О. Бисмарком и кайзером Вильгельмом II [15, с. 180].

Тарле остановился на ключевой для анализа основ исследовательского метода историков XX в. проблеме — их вовлечённости в политико-идеологические течения эпохи. Для него “Шиман-политик интересен как психологическое явление, как представитель особого типа политического мышления”. Перечислив всевозможные эпитеты, которыми Шимана именовали современники — “реакционер”, “византиец, льстец, лукавый царедворец”, “барабанный патриот, шовинист, легкомысленный забияка, газетный Мальбрук”, — Тарле предложил “отстранить за ненадобностью” все эти “коротенькие эпитеты” и попытаться понять своего “замолчавшего навсегда” коллегу [15, с. 191]. Основа такого понимания — проникновение в психологию Шимана, которая для Тарле как “свидетеля последнего, блистательнейшего периода вильгельмовской эры и внезапной, безнадёжной гибели германской империи” была “ещё близка и понятна”. Здесь проявилась присущая учёному черта — стремление рассмотреть судьбу конкретного историка в обстоятельствах конкретного времени: “Голова закружилась не у одного Шимана, но у всего его поколения” [15, с. 191], — констатировал он.

Анализируя научное творчество Т. Шимана, Тарле показал, как личностные черты немецкого историка проявились на страницах его произведений. Тем самым он решал одну из главных проблем биографии как жанра исторического исследования, затрагивая вопросы взаимодействия героя и автора повествования, которая, заметим, активно обсуждается современными историками [16, с. 6]. Обозревая исследовательские и публицистические работы немецкого коллеги, за “его внешней, несложной биографией” [15, с. 181] Тарле обнаружил человека, для которого слова “Германия — авангард человечества” были аксиомой и имели решающее значение для формирования отношения к России как возможной сопернице Германии. “Россия? — как бы спрашивал Тарле и отвечал, — Шиман сначала (в восьмидесятых и девяностых годах) её изучал, уважал и не любил, с японской войны изучал и не уважал, с 1912 года изучал, не уважал и ненавидел; и в течение всей жизни не переставал её опасаться” [15, с. 192, 193].

В главном историческом труде Шимана, посвящённом истории России в царствование императора Николая I, Тарле разглядел личность автора, сформировавшуюся “в традициях эры Бисмарка”, когда “сила являлась решающим моментом в вопросах уважения”. Именно поэтому Шиман, подчёркивал Тарле, под Россией “понимал исключительно русскую государственную мощь, но ни в каком случае не русский народ”, а “русские культурные достижения всегда были для него книгою за семью печатями” [15, с. 192, 193].

Владея всеми тонкостями историографического анализа, Тарле выделил основные качества Ши-

мана как историка-профессионала. Подмеченный “органический порок научной индивидуальности Шимана” — “непреодолимое нерасположение к сколько-нибудь широким конструкциям и, главное, отсутствие потребности в них” — он связывал с принадлежностью историка к ответвлению школы Л. Ранке [15, с. 181]. Вместе с тем Е.В. Тарле подметил безусловно сильные стороны Шимана-исследователя. По его мнению, у того была “драгоценная черта: вкус и любовь к архивному документу, и почти всегда сопряжённая с этою — другая черта: упорное нежелание братья за перо, если нет в виду сказать что-либо новое” [15, с. 182], что позволило сделать рассказ о Николае I и его эпохе “самостоятельным и жизненным”, а главное — представить “живого человека, стоявшего в центре и влиявшего на события” [15, с. 190]. Проницательный взгляд Тарле заметил в научной позиции Шимана важную черту — безукоризненную личную честность, проявлявшуюся даже тогда, когда критическое чутье изменяло немецкому учёному [15, с. 197].

В 1922 г. Е.В. Тарле совместно с Ф.И. Успенским учредили исторический журнал “Анналы” и стали его редакторами. Редакция помещалась прямо в квартире Евгения Викторовича. В 1922–1924 гг. вышло всего четыре номера, и издание было приостановлено из-за отсутствия средств и цензурных барьеров, тем не менее оно оставило заметный историографический след. В первом номере Тарле поместил программную статью “Очередная задача”, в которой рассуждал о влиянии исторического опыта на сознание современников. Он указывал, что личный опыт масштабных исторических событий позволяет лучше понять ход истории. Касаясь переживаемой “эпохи катастроф”, Тарле писал: “Государства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожною плёнкою, первозданный хаос окутывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом. Это только кажется некоторым слабонервным людям, попавшим в такой циклон, что они сходят с ума и бредят; нет, это они до сих пор бредили, убаюкиваемые искусственным спокойствием, забывши, что в нескольких аршинах под изящным ковром их каюты тёмная и бездонная пучина, готовая их поглотить, и что пучина есть извечная природная дикость, а их каюта хрупкая и искусственная выдумка; что пучина была до каюты — и останется после каюты, а сами они ещё могут изучать пучину, да и то изучают её плохо, но управлять ею не могут никак; самое большое — могут попытаться отсрочить гибель своей скорлупки” [17, с. 15].

Советская власть относилась к именитому историку настороженно. Однако Тарле имел прочную репутацию “левого” профессора, пусть и не большевика или хотя бы социалиста. Его нередко причисляли к “полумарксистам”. На него смотрели

как на “попутчика”, но ценного учёного с мировым именем. На V Международном конгрессе историков (1923 г., Брюссель) Тарле присутствовал в составе делегации Российской академии наук, поскольку советское государство не имело международного признания. Участие учёного в работе конгресса рассматривалось как “в высшей степени желательное с точки зрения возобновления научных сношений России с Западом” [18, с. 23]. С 1924 г. Тарле возобновил регулярные поездки во Францию для работы в архивах. Он пользовался заслуженным признанием европейских и американских историков; был избран членом ряда престижных научных обществ во Франции, читал лекции в зарубежных университетах. В 1927 г. по представлению влиятельного круга историков — членов АН СССР Ф.И. Успенского, В.П. Бузескула, М.М. Богословского и С.Ф. Платонова Е.В. Тарле был избран академиком, что подтвердило его статус как самого авторитетного отечественного специалиста по новой и новейшей истории стран Запада.

Тарле стремился установить профессиональные отношения с руководящими историками-марксистами. Они сложились с директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязановым, но не с лидером советской исторической науки М.Н. Покровским. Причиной стала полемика вокруг вышедшей в 1927 г. книги Тарле “Европа в эпоху империализма”. Покровский критиковал автора за недооценку роста классовой борьбы накануне Первой мировой войны и упрекал его в “антантофильстве” [19], что вынудило за рамки научной полемики и имело характер серьёзного политического обвинения. Тарле вынужден был публично выступить в печати с разъяснением своей позиции [20], а во втором издании книги сделал акцент на тезисе о стремлении всех великих европейских держав решать назревшие противоречия при помощи силы [21].

“Великий перелом” рубежа 1920–1930-х годов, ознаменовавший окончание относительно мирного сосуществования старой “профессорской” и молодой марксистской исторической науки и утверждение монопольного положения последней, трагически сказался на судьбе Тарле. По так называемому “Академическому делу” был арестован весь цвет дореволюционной исторической науки России. Историкам было предъявлено обвинение в создании подпольной организации под названием “Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России”. Тарле был арестован 28 января 1930 г. Месяц назад он вернулся из заграничной командировки во Францию, и эта поездка в Западную Европу станет последней в его жизни. Согласно утверждению следователей, Тарле должен был занять пост министра иностранных дел в будущем правительстве. Историка допрашивали 70 раз: сначала он отрицал вину, но затем под давлением дал признательные показания [22]. Никакой тайной организации в реальности

не существовало, а в протоколах допросов виртуозно переплетались правда, полуправда и откровенная ложь. Осуждённые были лишены академических званий и исключены из состава членов АН СССР.

Постановлением ОГПУ от 8 августа 1931 г. Тарле был выслан на пять лет в Алма-Ату. Опальный историк начал борьбу за свою реабилитацию: он направил заявление, в котором отрицал данные под следствием показания. Однако главную роль тут сыграли протесты против ареста и ссылки Тарле западноевропейских учёных, социалистов и деятелей культуры. За него вступились и ветераны русского революционного движения — вдова Г.В. Плеханова Р.М. Плеханова-Богард и Л.Г. Дейч [4, с. 94]. Тарле разрешили приехать в Москву, и в октябре 1932 г. секретарь ВЦИК А.С. Енукидзе сообщил ему о помиловании¹. Историка вернули его ленинградскую квартиру и восстановили в должности профессора ЛГУ, однако он стал невыездным. Звание академика АН СССР было возвращено Тарле в 1938 г. [23, с. 110, 111]. В печати тех лет историк выступал редко. Из значимых изданий следует назвать публикацию под его редакцией и со вступительной статьёй мемуаров Талейрана. Также Евгений Викторович работал над монографией “Жерминаль и прериль”, посвящённой восстаниям голодающих санкюлотов в 1795 г., текст которой был подготовлен ещё до ареста, но книгу удалось выпустить только в 1937 г. [24, 25].

Восстановлению позиций Е.В. Тарле в сообществе советских историков немало способствовал произошедший в стране в середине 1930-х годов идеологический поворот, который в исторической науке проявился в изучении и преподавании истории как дисциплины, формирующий патриотическое сознание советских граждан. Тарле, как и многие другие историки его поколения, возвращались на государственнические позиции [26]. Именно в те годы ему удалось создать книги, названия которых в российском общественном сознании стали неотделимы от его имени — “Наполеон” и “Нашествие Наполеона на Россию”.

В начале лета 1936 г. в возрождённой М. Горьким серии художественно-биографических книг “Жизнь замечательных людей” массовым тиражом была издана книга Тарле “Наполеон”. Предложение написать её было получено годом ранее, от “очень больших шишек” [22, с. CV]. Она имела громадный читательский успех и была сразу же переведена на французский, английский, польский, а затем шведский, норвежский и другие языки и впоследствии многократно переиздавалась. Для советской исторической науки, в которой историко-биографический жанр в целом не пользовался особой популярностью, книга стала событием [27, с. 9], откликом на складывавшуюся геополитическую обстановку —

нарастание угрозы войны в связи с укреплением фашистской диктатуры А. Гитлера, претендовавшего, как когда-то Наполеон, на мировое господство.

Монография о Наполеоне в полной мере отражала талант Е.В. Тарле — историка и мастера слова. Книгу отличала художественность изложения и глубокий психологизм. Используя множество разнообразных документальных свидетельств, автор включил фигуру Наполеона Бонапарта в общий контекст эпохи, показал эволюцию его личности, размышлял о природе бонапартизма. Своим исследованием Тарле поставил целый ряд проблем: чем была война 1812 г. в череде революционных и наполеоновских войн, вызвавших, в свою очередь, волну национально-освободительных войн и движений; как и почему готовилась и началась война 1812 г., каков был её исход и значение как для самого Наполеона, так и для России и наполеоновской Франции.

Немногим более года спустя, в 1937 г., на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала “Молодая гвардия”, в выпусках за октябрь—декабрь 1937 г. и за январь—март 1938 г., было опубликовано новое исследование Е.В. Тарле “Нашествие Наполеона на Россию”, вышедшее вскоре отдельным изданием [28]. Оно было неразрывно связано с его предыдущей работой. В обеих книгах историк талантливо представил хитросплетения европейской политики, составлявшие предысторию нашествия Наполеона, трансформацию его захватнических замыслов. Он анализировал ход военных действий, рассмотрел деятельность полководцев воюющих сторон, раскрыл роль русского народа в отражении иноземного вторжения. Войну 1812 г. Тарле определил как самую характерную из империалистских войн, которые вёл Наполеон, отстаивавший интересы французской крупной буржуазии [28, с. 439].

Центральная тема повествования — роль русского народа в войне 1812 г. Наполеон, писал Евгений Викторович, проявил его “полное незнание и непонимание”, что и стало “коренной из всех его ошибок” [29, с. 257]. Именно с непримиримым отношением русского народа к иностранной агрессии он связал провал похода Наполеона на Россию. В небольшой брошюре, вышедшей в 1938 г. в серии “В помощь пропагандисту РККА”, Тарле писал: “Наполеон... был побеждён русским народом, который никогда со времени своего объединения на протяжении всей своей истории не склонялся пред иноземными захватчиками” [30, с. 706].

Тарле много внимания уделил Бородинскому сражению, значение которого он рассмотрел с двух сторон: чем оно было для Наполеона и чем — для России. Для Наполеона оно являлось средством вынудить Александра I заключить мир, а стало одним из актов трагедии, но не всей трагедией: “Судьба наполеоновской империи переломилась не на Бородинском поле, а во время всего этого русского

¹ Реабилитирован Е.В. Тарле был уже посмертно, в 1967 г., вместе с большой группой лиц, проходивших по “Академическому делу” [22, с. LI].

похода”. Для России Бородинская битва оказалась “излишней стратегически”, но “неизбежной морально и политически” [29, с. 263] и стала бесспорной моральной победой. “А в свете дальнейших событий можно утверждать, — заключил историк, — что и в стратегическом отношении Бородино оказалось русской победой всё-таки больше, чем французской” [29, с. 268].

Несмотря на гонения на Русскую Православную Церковь, особенно сильные на рубеже 1920–1930-х годов, Тарле не обошёл молчанием её роль в отражении наполеоновского нашествия. Хотя и с необходимыми оговорками и акцентом на факты разграбления и осквернения наполеоновскими войсками церковных зданий в антифранцузских церковных проповедях, он упомянул о том, что в них духовенство призывало к мобилизации духовных сил народа в противостоянии агрессору [28, с. 643]. В контексте той атеистической эпохи даже столь поверхностное упоминание о роли церкви в войне 1812 г. было, скорее, исключением, чем правилом. В момент появления книг Тарле на месте памятника мужеству русского народа в Отечественной войне 1812 г. — Храма Христа Спасителя — полным ходом шла стройка Дворца Советов.

Е.В. Тарле создал полифоничные и эмоционально окрашенные образы главных действующих лиц описываемого им времени — Александра I и Наполеона Бонапарта, русских и французских военачальников, политиков. В натуре Наполеона он подметил изначально присутствовавшее нежелание подчиняться кому бы то ни было. Это качество, которое после Тильзита проявлялось у императора французов всё более явно, переросло к 1812 г. в неспособность “повиноваться также обстоятельствам и считаться с ними” [28, с. 472].

Работая над фигурой М.И. Кутузова, Тарле провёл скрупулёзный анализ документов и свидетельств современников о великом русском полководце, преследуя цель максимально объективно подойти к характеристике его личности и деятельности. Как военный стратег, писал Евгений Викторович, он “был очень умён, очень хитёр и тонок” [29, с. 255]. Важнейшей чертой Кутузова-полководца он назвал его стремление вести войну “с наименьшей затратой живых сил русского народа” [28, с. 558]. Именно с ней он связывал его осторожность и нежелание подвергать войска неоправданному риску. Показывая умение Кутузова быть ловким царедворцем, чрезвычайно ценившим власть, успех и почести, историк одновременно характеризовал его как человека, обладавшего глубоким чувством родины, которое особенно проявилось в 1812 г. Эти качества обусловили его широчайшую популярность среди всех слоёв населения и в армии. В последующей советской историографии подчёркнутый Тарле дар Кутузова чувствовать русский народ и ощущать себя его частью стал главным критерием в оценке великого полководца.

Тема борьбы с наполеоновским нашествием, которую поднял в своих исследованиях конца 1930-х годов Тарле, многократно поднималась в годы Великой Отечественной войны. Сопоставление двух времён — Второй мировой войны и военных кампаний Наполеона — стало сюжетом новой работы “Гитлеровщина и наполеоновская эпоха” [31], увидевшей свет в 1942 г. В том же году в юбилейном сборнике, подводившем итоги двадцатипятилетнего пути развития исторической науки в СССР, заслуги Е.В. Тарле как историка наполеоновских войн получили высочайшую оценку. О его “Нашествии Наполеона на Россию” было сказано, что “советская наука может гордиться прекрасной книгой акад. Е. Тарле”, который “с присущим ему литературным блеском излагает результаты проведённой им большой работы по изучению как изданных материалов и материала первоисточников о наполеоновской эпохе и о войне 1812 г., так и неизданных” [32, с. 111].

Замечательной чертой авторского стиля Е.В. Тарле было умение высказывать новые идеи и суждения в форме размышлений и гипотез, не препятствовавших дальнейшей разработке затронутых вопросов. Несмотря на свой неоспоримый авторитет в исследовании истории Отечественной войны 1812 г., он никогда не считал своё видение окончательным и неоспоримым, полагая, что живая исследовательская мысль, вооружённая знанием исторических источников, обнаружит новые аспекты темы [33, с. 8]. Историки следующих поколений соглашались не со всеми оценками, данными Тарле, обнаруживали отдельные противоречия в его суждениях [34, с. 59, 60], но всё это не влияло на судьбу написанных им книг, популярность которых вышла далеко за рамки профессионального сообщества историков.

Благодаря умению глубоко проникать в суть исторических событий Тарле видел в отдалённом прошлом скрытые пружины и мотивы действий и обнаруживал их в современности, а владение литературной формой изложения в сочетании с эзоповым языком позволяли ему дипломатично, но жёстко выражать своё отношение к настоящему. Например, рецензируя изданные в 1943 г. мемуары Армана де Коленкура о войне 1812 г., учёный обратил внимание на позицию Англии в отношении наполеоновского нашествия. Он напомнил, как в 1812 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Кэстльри “одинаково пламенно желал двух вещей: во-первых, победы России над Наполеоном и, во-вторых, чтобы эта победа не досталась русским слишком легко и скоро” [35, с. 87]. Кивок в сторону союзников СССР в войне с фашизмом, затягивавших открытие второго фронта, был очевиден.

Книги о Наполеоне и его походе на Россию сделали Е.В. Тарле самым популярным советским историком. Благоволение И.В. Сталина поставило учёного в привилегированное положение. Его

статьи и заметки по международным делам постоянно публиковались в центральной советской прессе. Он был включён в авторский коллектив трёхтомной “Истории дипломатии” [36], призванной вооружить советских дипломатов не классовыми, а конкретно-историческими знаниями. При подготовке издания консультации проходили на “партийном Олимпе”. Именно тогда, 3 июня 1941 г., состоялась единственная задокументированная встреча Тарле со Сталиным, продолжавшаяся полтора часа [37, с. 335].

Первый том “Истории дипломатии” вышел в 1941 г., и на следующий год авторский коллектив удостоился Сталинской премии. Для второго тома, “по особому указанию”², Тарле подготовил очерк “Организационные формы и техника современной дипломатии”. Однако затем издание было расширено, и очерк вошёл уже в третий том, вышедший в 1945 г.

В годы Великой Отечественной войны ораторский и литературный дар Е.В. Тарле оказался особенно востребованным. Как всемирно известному историку и великолепному оратору ему выделили специальный поезд-вагон, на котором он совершал пропагандистские поездки по СССР. Евгений Викторович читал лекции в самых разных аудиториях: перед агитаторами, нефтяниками, металлургами, учёными и т.д. [7, с. 330]. В одном из писем он сообщал, что за три недели прочитал одиннадцать двухчасовых лекций для рабочих свердловских и нижнетагильских заводов, где его принимали “ультра тепло” [38, с. 498].

Е.В. Тарле выступал в роли научного консультанта советского правительства по вопросам внешней политики и культуры. Известна его записка «О “завещании” Петра I», написанная в ответ на запрос вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта в декабре 1941 г. В ней доказывалось, что “завещание” было пропагандистской фальшивкой [39, с. 513–515]. Историк состоял членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Наркомате иностранных дел СССР, который возглавлял М.М. Литвинов. Аналитические записки Тарле, посвящённые послевоенному устройству мира, обосновывали укрепление статуса СССР как ведущей мировой державы [4, с. 233–237].

Согласно свидетельствам, Тарле искренне признавал военные достижения Сталина, при этом считая, что союз с западными странами мог бы способствовать смягчению советского режима [4, с. 241]. Он стремился продемонстрировать континуитет³

российского великодержавия. Широкую известность получила его публичная лекция, в которой он подчеркнул, что присоединение нерусских народов к России — явление прогрессивное, позволившее им приобщиться к более высокой культуре и впоследствии стать частью социалистического государства. В освещении истории Тарле призывал встать на “решительно патриотическую” точку зрения [40]. Такой “великодержавный” патриотизм вызвал протест у ряда советских историков более молодого поколения, стоявших на подчёркнуто классовых позициях, в частности у А.М. Панкратовой. Для прояснения позиций в мае–июле 1944 г. было организовано совещание в ЦК ВКП (б), в котором приняли участие ведущие советские историки, в том числе и Е.В. Тарле. Его критиковали за идеализацию царской России и попытку выстроить историческую преемственность между Российской империей и Советским Союзом.

Главным трудом военного времени стала для Тарле двухтомная монография “Крымская война”, которая вышла в свет в 1941–1943 гг. Историк создал впечатляющее и увлекательное историческое полотно, показывающее Крымскую войну на широком социально-политическом и дипломатическом фоне. Автор подводил читателя к мысли, что война носила народный характер. Тарле писал, что, несмотря на поражение в Крымской войне, “великий колосс выдержал страшные удары в 1854–1855 гг. и не только не пал, но даже и не покачнулся. Таков один из исторических уроков Крымской войны” [41, с. 571, 572]. В условиях Великой Отечественной войны это было крайне актуально. За эту книгу Тарле был удостоен Сталинской премии первой степени. В представлении комиссии было сказано: “В этом труде ярко обрисованы, с одной стороны, крайняя отсталость и реакционность николаевской монархии середины XIX века, с другой стороны, на многочисленных фактах и эпизодах показаны высокие боевые качества — стойкость, самоотверженность и героизм солдат и матросов русской армии, особенно защитников Севастополя”⁴.

Уже после войны книга была подвергнута критике, которая явилась эхом совещания 1944 г. В журнале “Большевик” была опубликована рецензия Н.Н. Яковлева, в которой автор упрекал Тарле в неумении показать реакционную сущность царского режима [42, с. 66]. Евгений Викторович обратился к Г.М. Маленкову с просьбой разъяснить, являлась ли данная критика официальной партийно-государственной точкой зрения. Историк прямо спрашивал: “Доверяют ли мне или нет?” [43, с. 105]. Во втором издании “Крымской войны” (1950) пассажи о великодержавии царской России были сняты.

Военные и первые послевоенные годы стали для Е.В. Тарле временем особого признания. Он получил высшие советские правительственные награды

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 254. Л. 5.

³ Континуитет (продолжительность) — теория и практика в международном праве о непрерывности государства как субъекта международного права и непрерывности международных государственных обязательств.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53 а. Ед. хр. 6. Л. 129.

ды, среди которых были ордена Ленина и Трудового Красного Знамени и Сталинская премия (1946) за участие в написании второго и третьего томов “Истории дипломатии”, был удостоен почётной докторской степени Алжирского университета (1944), Сорбонны (1945), университетов Осло (1946), Праги (1948) и Брно (1948), избран членом-корреспондентом Британской академии (1944) и Норвежской Академии наук (1946).

В 1948 г. Тарле по поручению Сталина приступил к созданию трилогии “Русский народ в борьбе против агрессора”, в которой предполагалось описать крах замыслов Карла XII, Наполеона и Гитлера. Он подготовил первую книгу – “Северная война и шведское нашествие на Россию” [44]. Однако её издание затягивалось, Евгений Викторович жаловался на постоянные придирки со стороны издательства. 18 мая 1949 г. он написал письмо лично Сталину, в котором признался, что возникшие препоны посеяли в нём сомнения в том, что его всё ещё считают достойным написать эту трилогию, и спросил: “Может быть, это отношение к моему труду со стороны Госполитиздата и является как бы указанием и намёком, что моя работа признана ненужной со стороны Руководства?”⁵. Прямого ответа, скорее всего, не последовало.

Основываясь на сохранившихся документах, можно более или менее уверенно говорить о том, что причиной задержки опубликования рукописи стало то, что её сочли “отпиской” со стороны выдающегося историка. Директор Госполитиздата Ф.Ф. Чернов предоставил по запросу аппарата ЦК рецензию заведующего отделом исторической литературы издательства и редактора – историков И.А. Федосова и А.Ц. Мерзона, в которой они возражали против самого замысла трилогии, считая, что в таком виде труды можно издавать только в качестве отдельных монографий. Они указали на множество недостатков книги о нашествии Карла XII. С их точки зрения, она была написана на скудной источниковой базе, без должного внимания к новейшей литературе, с многочисленными фактографическими ошибками и т.д. Предлагалось серьёзно доработать представленную рукопись. Некоторую сумбурность изложения и многочисленные недочёты отметил и другой рецензент – П.П. Епифанов⁶. Очевидно, руководство решило, что в таком виде монументальную трилогию, задумывавшуюся как историографический памятник русским победам, венцом которых стал разгром нацистской Германии Советским Союзом во главе с И.В. Сталиным, издавать просто нельзя.

Тогда Тарле отправил Сталину рукопись монографии и в письме подчеркнул, что стремится завершить трилогию и хотел бы все силы посвятить книге о разгроме гитлеровской Германии [43, с. 105, 106].

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 62. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 50–70.

Книга о Северной войне вышла в свет уже после смерти Евгения Викторовича, трилогия же так и не состоялась. В целом годы позднего сталинизма оказались для него непростыми: он болезненно воспринимал антисемитскую кампанию, развернувшуюся в стране в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Заключая очерк жизни и деятельности академика Евгения Викторовича Тарле, который, несмотря на свою краткость, даёт представление о его поистине громадном вкладе в отечественную историческую науку и культуру в целом, отметим главные черты творчества историка. Энциклопедичность знаний, погружённость в захватывающий мир исторических источников, служение науке и своему Отечеству определили тот высочайший научный статус, которым обладал Е.В. Тарле. Психологизм и непредвзятость подхода к анализу деятельности отдельно взятой личности, будь то историк или правитель, в сочетании с обширной источниковой базой и художественным стилем изложения делают работы замечательного учёного и мастера художественного образа созвучными задачам современной историографии, в которой всё более отчётливым становится стремление “отойти от крайностей сциентизма и добиться воссоединения истории и литературы на новом уровне понимания специфики исторического знания” [16, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981.
From the literary heritage of academician E.V. Tarle. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)
2. Тарле Е.В. Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого / Сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Кагановича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.
Tarle E.V. Russia and the West. From the unpublished and forgotten / Compiled, prepared for publication, introduction and commentary by B.S. Kaganovich. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. (In Russ.)
3. Каница П.Л. Письма о науке. 1930-1980 / Сост., предисл., коммент. П.Е. Рубинин. М.: Московский рабочий, 1989.
Kapitsa P.L. Letters on science. 1930-1980 / compiled, foreword, commentary by P.E. Rubinin. Moscow: Moskovsky rabochy, 1989. (In Russ.)
4. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
Kaganovich B.S. Evgeny Viktorovich Tarle and the St. Petersburg school of historians. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1995. (In Russ.)
5. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд. Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014.

- Kaganovich B.S.* Evgeny Viktorovich Tarle. The historian and time. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2014. (In Russ.)
6. *Чапкевич Е.И.* “Пока из рук не выпало перо...”: Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орёл: Полигр.-изд. предприятие “Орёл”, 1994.
Chapkevich E.I. “Until the Pen Fell from My Hands...”: The Life and Work of Academician Evgeny Viktorovich Tarle. Orel: Polygraphic Publishing House “Orel”, 1994. (In Russ.)
 7. *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000.
Chapkevich E.I. Evgeny Viktorovich Tarle // Portraits of Historians. Time and Fates, vol. 2. General History. Moscow: University Book; Jerusalem: Gesharim, 2000. (In Russ.)
 8. *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле. М.: Наука, 1977.
Chapkevich E.I. Evgeny Viktorovich Tarle. Moscow: Nauka, 1977. (In Russ.)
 9. *Тарле Е.В.* Чем объясняется современный интерес к экономической истории (1903) // Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения в двенадцати томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
Tarle E.V. What Explains the Modern Interest in Economic History (1903) // Academician Evgeny Viktorovich Tarle. Works in twelve vol. Т. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. (In Russ.)
 10. *Тарле Е.В.* Очерк развития философии истории (1908) // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981.
Tarle E.V. An essay on the development of the philosophy of history (1908) // From the literary heritage of academician E.V. Tarle. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)
 11. *Тарле Е.В.* Дело Бабёфа. Очерк из истории Франции (1898) // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981.
Tarle E.V. The Babeuf Affair. An essay on the history of France (1898) // From the literary heritage of academician E.V. Tarle. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)
 12. *Тарле Е.В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Ч. 1. СПб.—М.: Т-во М.О. Вольф, 1907.
Tarle E.V. The fall of absolutism in Western Europe. Part 1. St. Petersburg—Moscow: M.O. Wolf Company, 1907. (In Russ.)
 13. *Тарле Е.В.* Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М.: Задруга, 1913.
Tarle E.V. Continental blockade. A study on the history of industry and foreign trade of France in the era of Napoleon. Moscow: Zadruga, 1913. (In Russ.)
 14. *Тарле Е.В.* Международный исторический конгресс в Лондоне // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 1. С. 126—133.
Tarle E.V. International historical congress in London // Scientific historical journal. 1913, vol. 1, is. 1, pp. 126—133. (In Russ.)
 15. *Тарле Е.В.* Теодор Шиман. 1847 — 1921 // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. 2. Пб.: Гос. изд., 1921.
Tarle E.V. Theodore Shiman. 1847 — 1921 // Deeds and Days. Historical Journal. 1921. Book 2. St. Petersburg: State Publishing House, 1921. (In Russ.)
 16. *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня. Под ред. Л.П. Репиной. Изд. 2-е. М.: Квадрига, 2010.
Repina L.P. Personality and Society, or History in Biographies. Instead of a Preface // History through Personality: Historical Biography Today. Ed. L.P. Repina. 2nd ed. Moscow: Quadriga, 2010. (In Russ.)
 17. *Тарле Е.В.* Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. С. 5—20.
Tarle E.V. The Next Task // Annals. 1922, no. 1, pp. 5—20. (In Russ.)
 18. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900—2000 гг.). Исторический обзор. М.: ИВИ РАН, 2005.
Russian Historians at International Congresses of Historical Sciences (1900—2000). Historical Review. М.: IVI RAS, 2005. (In Russ.)
 19. *Покровский М.Н.* “Новые” течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. VII. С. 3—11.
Pokrovsky M.N. “New” trends in Russian historical literature // The Marxist historian. 1928, vol. VII, pp. 3—11. (In Russ.)
 20. *Тарле Е.В.* К вопросу о начале войны (Ответ М.Н. Покровскому) // Историк-марксист. 1928. Т. IX. С. 101—107.
Tarle E.V. On the question of the beginning of the war (Response to M.N. Pokrovsky) // The Marxist historian. 1928, vol. IX, pp. 101—107. (In Russ.)
 21. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871—1919. 2-е изд., доп. М.; Л.: Гиз, 1928.
Tarle E.V. Europe in the era of imperialism. 1871—1919. 2nd ed., suppl. М.; Л.: Giz, 1928. (In Russ.)
 22. Академическое дело. 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб.: БАН, 1998.
Academic case. 1929—1931. Documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU. Is. 2. The case against Academician E.V. Tarle. Part 1. SPb.: BAN, 1998. (In Russ.)

23. *Есаков В.Д.* Три письма Е.В. Тарле вождям // Отечественная история. 1999. № 6. С. 106–112.
Esakov V.D. Three letters from E.V. Tarle to the leaders // Domestic history. 1999, no. 6, pp. 106–112. (In Russ.)
24. *Талейран.* Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация / Пер. и примеч. С. и Л. Фейгиных; ред. и вступ. стат. Е.В. Тарле. М.; Л.: Academia, 1934.
Talleyrand. Memoirs. The Old Regime. The Great Revolution. Empire. Restoration / Trans. and notes by S. and L. Feigin; ed. and introduction. stat. E.V. Tarle. Moscow; Leningrad: Academia, 1934. (In Russ.)
25. *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль. М.: Соцэкгиз, 1937.
Tarle E.V. Germinal and Prairial. Moscow: Sotsekgez, 1937. (In Russ.)
26. Историю – в школу: создание первых советских учебников. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2008.
History to school: creation of the first Soviet textbooks. Moscow: Archive of the President of the Russian Federation, 2008. (In Russ.)
27. *Дунаева Ю.В.* Биография в отечественной и зарубежной исторической науке. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М.: ИНИОН РАН, 2021.
Dunaeva Yu.V. Biography in domestic and foreign historical science. (Review) // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 5: History. Moscow: INION RAS, 2021. (In Russ.)
28. *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. VII. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
Tarle E.V. Napoleon's Invasion of Russia // Tarle E.V. Works in twelve vol. Vol. VII. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. (In Russ.)
29. *Тарле Е.В.* Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. VII. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
Tarle E.V. Napoleon // Tarle E.V. Works in twelve vol. Vol. VII. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. (In Russ.)
30. *Тарле Е.В.* Освобождение России от нашествия Наполеона // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. XI. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
Tarle E.V. Liberation of Russia from Napoleon's Invasion // Tarle E.V. Works in twelve vol. Vol. XI. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ.)
31. *Тарле Е.В.* Гитлеровщина и наполеоновская эпоха. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1942.
Tarle E.V. Hitlerism and the Napoleonic Era. M.-L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1942. (In Russ.)
32. *Кафенгауз Б.Б.* Военно-историческая литература в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. Волгина В.П., Тарле Е.В., Панкратовой А.М. М. – Л.: Изд.-во Академии наук Союза ССР, 1942.
Kafengauz B.B. Military-historical literature in the USSR for 25 years // Twenty-five years of historical science in the USSR. Ed. by Volgin V.P., Tarle E.V., Pankratova A.M. M.–L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1942. (In Russ.)
33. *Нечкина М.В.* От редактора // Тарле Е.В. Соч. Т. VII. М., 1959. С. 5–9.
Nechkina M.V. From the editor // Tarle E.V. Works. T. VII. M., 1959. Pp. 5–9. (In Russ.)
34. *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М.: Наука, 1990.
Abalikhin B.S., Dunaevsky V.A. 1812 at the crossroads of opinions of Soviet historians, 1917–1987. M.: Nauka, 1990. (In Russ.)
35. *Тарле Е.В.* Книга о наполеоновском походе в Россию // Тарле Е.В. Сочинения. Т. XII. М.: Изд-во Акад наук СССР, 1962.
Tarle E.V. Book about Napoleon's campaign in Russia // Tarle E.V. Works. Vol. XII. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. (In Russ.)
36. История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. В 3-х т. Т. III. М.; Л.: Соцэкгиз, 1945.
History of Diplomacy / Ed. by V.P. Potemkin. In 3 vols. Vol. III. Moscow; Leningrad: Sotsekgez, 1945. (In Russ.)
37. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008.
At Stalin's Reception. Notebooks (journals) containing notes of persons received by I.V. Stalin (1924–1953). Handbook / Scientific ed. by A.A. Chernobaev. Moscow: Novyi Khronograf, 2008. (In Russ.)
38. Очерки истории отечественной исторической науки / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
Essays on the History of Russian Historical Science / Ed. by V.P. Korzun. Omsk: Publishing House of Omsk State University, 2005. (In Russ.)
39. *Записка Е.В. Тарле «О “завещании” Петра I»* / Публ. В.Г. Бухерта // Археологический ежегодник за 2005 год. М.: Наука, 2007. С. 513–515.
Note by E.V. Tarle “On the ‘Will’ of Peter I” / Publ. by V.G. Buchert // Archaeographic Yearbook for 2005. Moscow: Nauka, 2007. Pp. 513–515. (In Russ.)
40. *Тарле Е.В.* О роли территориального расширения России в XIX и XX веках. Доклад на Учёном совете Ленинградского университета / Публ. Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 3–13.

- Tarle E.V.* On the Role of Russia's Territorial Expansion in the 19th and 20th Centuries. Report at the Academic Council of Leningrad University / Publ. Yu.N. Amiantova // *Questions of History*. 2002, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.)
41. *Тарле Е.В.* Крымская война. В двух т. Т. 2. М.; Л.: Военмориздат, 1943.
Tarle E.V. Crimean War. In two vol. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Voenmorizdat, 1943. (In Russ.)
42. *Яковлев Н.Н.* О книге Е.В. Тарле “Крымская война” // *Большевик*. 1945. № 13. С. 63–72.
Yakovlev N.N. About the book by E.V. Tarle “Crimean War” // *Bolshevik*. 1945, no. 13, pp. 63–72. (In Russ.)
43. Академик Е.В. Тарле и власть. Письма историка И.В. Сталину и Г.М. Маленкову. 1937–1950 гг. / Публ. И.А. Шеина // *Исторический архив*. 2001. № 3. С. 98–110.
Academician E.V. Tarle and the authorities. Letters of a historian to I.V. Stalin and G.M. Malenkov. 1937–1950 / Publ. I.A. Shein // *Historical archive*. 2001, no. 3, pp. 98–110. (In Russ.)
44. *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
Tarle E.V. The Northern War and the Swedish invasion of Russia. M.: Socekiz, 1958. (In Russ.)

TITAN OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN E.V. TARLE

A.V. Sidorov^{a,*}, L.A. Sidorova^{b,**}, V.V. Tikhonov^{b,***}

^a*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

^b*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*E-mail: Sidorov@spa.msu.ru

**E-mail: lasidorova@rambler.ru

***E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

The article is devoted to the main stages of the life and scientific path of the remarkable Russian historian, master of artistic image, academician E.V. Tarle. The role of the scientist in the historical science of Russia, the research potential of his creative heritage are shown.

Keywords: E.V. Tarle, historical science, scientific character, objectivity, artistic image.